

Люди и онлайн-образование: изобретение, сопротивление и переопределение

Разговор весны 2021 года¹

Полина Колозариди: Участники этого разговора – коллеги из Высшей школы экономики. Это нетрадиционное решение для конференции нашего клуба любителей интернета и общества, который утверждает в своих программных текстах: давайте будем открытыми по отношению к разным институциям и городам, не ограничиваясь столицами. Но наш выбор не случаен. У ВШЭ образ вуза, успешно занимающегося цифровизацией образования. А клуб любителей интернета и общества давно сотрудничает с ВШЭ, поэтому мы решили остановиться на ней. Но есть и другой тип разнообразия. Мы собрали тут и тех, кто управляет онлайн-образованием, и тех, кто исследует его.

Общий вопрос ко всем: что в цифровизации образования стало просто продолжением уже начатой до пандемии работы, а что действительно оказалось новым?

1 Сокращенная расшифровка «круглого стола», прошедшего на конференции «Internet Beyond» в апреле 2021 года.

ПАНДЕМИЯ/
ИНТЕРНЕТ +
ИНСТИТУТЫ

Евгения Кулик: Давайте я отступлю на год назад. Если сравнивать российские вузы с зарубежными, то можно сказать, что все прошло более-менее успешно. В течение двух недель практически все высшее образование страны перешло в онлайн. Наибольший успех здесь был у тех вузов, у которых уже были отработанные бизнес-процессы. Понятно же, что переход в онлайн – это не просто создание цифрового контента. Нельзя просто положить лекции в LMS (*learning management system*, система управления обучением) и радоваться этому. Должно быть отработано, например, администрирование образовательного процесса. Все то, что в Вышке давно перешло в цифру: запись на курсы по выбору, согласование учебных планов, назначения факультативных дисциплин студентам.

И второй важный момент – готовность цифрового контента. Заменить большинство дисциплин трансляцией – это очень сложно, ресурсоемко. А онлайн-курсы были доступны далеко не все. И тут мы наблюдали, мне кажется, уникальный феномен, когда вузы, бизнес, коммерческие компании начали предлагать цифровой продукт университетам, чтобы те не прерывали учебный процесс. Ведущие российские университеты бесплатно открыли доступ абсолютно ко всем своим курсам.

Но такой стрессовый переход в онлайн был чреват тем, что часть задач может быть выполнена некачественно. И когда руководитель вуза понимает, что дистант в глазах родителей приравнен к некачественному образованию, разумеется, это будет тормозить развитие данного формата в этом конкретном вузе. Когда есть идея, что качественно – это только онлайн, а значит, нам онлайн не нужен. У части вузов такие настроения есть.

Полина Колозарида: Но для ВШЭ все тоже было не совсем просто?

Евгения Кулик: До ковида Высшая школа экономики организовывала от семи до двенадцати тысяч экзаменов в год с использованием прокторинга². А например, в летнюю сессию их было больше 200 тысяч. А сессия, как мы знаем, длится несколько недель. Для Вышки вызовы были связаны с тем, что нужно было резко, взрывным образом масштабировать все уже принятые решения.

Полина Колозарида: Вот, наконец-то, разговор про интернет начинается с материальности, с инфраструктур, с устройства – то есть с того, о чем мы как пользователи (да и порой как исследователи, не будем греха таить) нередко забываем.

2 Так называется процедура, позволяющая дистанционно осуществлять наблюдение и контролировать людей, сдающих экзамен.

ЛЮДИ И ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ: ИЗОБРЕТЕНИЕ, СОПРОТИВЛЕНИЕ И ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ

Полина Колозарида – интернет-исследовательница, преподает в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» и в Национальном исследовательском университете ИТМО, координирует клуб любителей интернета и общества.

Евгения Кулик – руководитель дирекции онлайн-образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Евгений Терентьев –
исследователь Инсти-
тута образования
Национального иссле-
довательского универ-
ситета «Высшая школа
экономики».

Евгений [Терентьев], когда вы изучали студентов и преподавателей во время перехода на дистанционное образование, вы видели такую же картину, как описала Евгения Кулик, или там совсем другая история?

Евгений Терентьев: В 2019-м у нас было качественное исследование: мы говорили с сорока преподавателями из двадцати университетов о том, что и как меняется в их работе в связи с более активным распространением цифровых технологий и интернета. Это исследование завершилось в феврале 2020 года, ровно накануне пандемии.

Мы увидели полярное отношение к происходящему. Были цифровые оптимисты, которые выступали драйверами цифровизации и «онлайнизации», они смотрели позитивно на перспективы этих процессов. Были оппозиционеры-«луддиты», которые всячески сопротивлялись и практически ломали компьютеры. Были те, кто спокойно воспринимал происходящее. Классическое разделение. Но главное, цифровое будущее образования, о котором разговоры велись и до пандемии не один год, воспринималось большинством участников опроса как далекое будущее. Никто не верил, что сейчас, по мановению руки мы за неделю возвьем и придем. А ведь пришло. [смех]

С этими же людьми мы провели еще один раунд исследования, но уже в начале апреля – в самый жаркий период, когда начались все самые масштабные трансформации. Ситуация вот этого масштабного перехода, безусловно, была стрессовой. В начале, несмотря на всю стрессовость, многими участниками этого процесса происходящее было воспринято с энтузиазмом как своеобразный вызов. Но со временем рутинизация преподавания в онлайн-среде привела к снижению уровня оптимизма.

Еще раз мы планируем поговорить с этими людьми в июне, чтобы получить осмысленную рефлексию с учетом продолжительного опыта – и, кажется, у нас будет еще более пессимистическая картинка.

Проявились новые проблемы: нарушение коммуникации со студентами, баланса между работой и личным временем. Этот баланс всегда был зыбким для академических профессионалов, мы это знаем. Но в условиях тотального перехода в цифру граница между этими сферами жизни стала совсем проницаемой. В особенно уязвимой ситуации оказались люди с семьями, с маленькими детьми. И в этих условиях наощупь переизобретались новые практики преподавания и работы в онлайн-среде.

Если говорить про студентов в целом – значительная доля, порядка 40%, очень оптимистично отнеслись к происходящему: меньше времени на дорогу, параллельно с учебой можно

еще что-нибудь поделать – можно пива попить, пока ты на занятиях сидишь, выключив камеру, и так далее.

Но среди студентов также заметно выделяется группа тех, кто испытывал трудности. Не у всех есть стабильный быстрый интернет, компьютеры. У части людей – старые телефоны, неудобные для занятий. Конечно, в первую очередь проблемы у молодежи из семей с низким социально-экономическим статусом – в большей степени из регионов, но даже в Москве очень большой уровень расслоения.

Другая важная группа здесь – это руководители. Это тоже люди, которым нужна психологическая поддержка в условиях стресса. Стресс возникает в связи с содержанием их профессиональной деятельности, но в пандемию [появляется] дополнительный стресс из-за новых условий работы.

Полина Колозариди: А как ты проводишь грань между луддизмом, изобретательством и невозможностью включиться в образовательный процесс в целом?

Евгений Терентьев: Под луддизмом я понимаю активное, сознательное, систематическое сопротивление тем изменениям, которые происходят. Конечно, кроме «луддитов», есть и те, кто просто плывет по течению, – таких много: правила они соблюдают, но экспериментировать не будут. И есть люди, условно назовем их «технооптимисты», которые ловят драйв и экспериментируют. У меня нет количественных данных, и я не могу оценить, насколько распространена каждая из позиций, но этим категориям присуще разное поведение, разные установки. Про это могу более подробно рассказать.

Полина Колозариди: Оптимисты, конформисты и – условно – сопротивляющиеся. Как именно устроена граница между ними?

Евгений Терентьев: Мне кажется, нужно говорить не о четкой границе, а своеобразном континууме. Там гораздо больше вариаций, гораздо больше полутонов – а не только два полюса: белые и черные. Позиция может постепенно меняться – через накопление опыта, через общение с другими коллегами. И, переосмысливая происходящие процессы, человек приобретает агентность. У нас многие в интервью говорят: «Да, я раньше всегда с опаской относился, а тут попреподавал – и кайфово ведь! Все студенты приходят, посещаемость выросла. Мне комфортно, я могу пойти чай пить в перерыве». И он или она начинает вовлекаться, экспериментировать, обсуждать с коллегами.

С этим связан еще один интересный сюжет: у нас в условиях пандемии стала активно развиваться культура неформальных

люди и онлайн-образование: изобретение, сопротивление и переопределение

академических взаимодействий – сетей поддержки, обсуждений, обмена опытом. Такие формы самоорганизации академического сообщества – очень интересный феномен для социологического или культурологического изучения. Интересно было бы проследить динамику их развития. Но все равно мне кажется, что не бывает так: «рубильник перешелкнули», и человек из группы противников цифровизации образования сразу стал ее сторонником.

Полина Колозариди: Меня зацепила тема про то, как люди со временем меняют отношения – энтузиазм сменяется пессимизмом, привычкой.

Евгений [Патаракин], как вы видите это в долгосрочной перспективе, появилось ли что-то радикально новое сейчас? И кто здесь принаршивается к кому?

Евгений Патаракин: Важный момент, о котором Евгений Терентьев уже сказал, – агентность не включается нажатием кнопки: вот у тебя не было субъектности, вдруг случилась цифровизация, что-то перешелкнуло, и ты стал субъектом. Это то, что постепенно нарашивается. Здесь важны процессы низовой самоорганизации, причем не только между преподавателями, но и между студентами.

Если говорить про историю, то я могу выступить в роли динозавра, который помнит, как оно было. Были надежды, что мы сейчас сделаем что-то новое и важное. Было чувство, что вот появилась абсолютно новое средство, давайте мы с ним поиграем. Я помню это ощущение в 1990-е, когда появился веб – Всемирная паутина (WWW) пришла к нам в школу. У нас было ощущение – ба, да мы же сейчас можем делать такое, чего не может сделать никто! Давайте мы рискнем и будем пробовать, экспериментировать. Ну, оторвут нам головы, но мы хотя бы посмотрим на то, как бывает.

Это было удивительным ощущением. И в 1993 году у нас стало больше проектов, которые выполнялись группами студентов компьютерной школы совместно с преподавателями. Самым дорогим были эти связи, а не доступ к каким-то ресурсам. Люди увидели: вот мои соседи делают этот проект, я могу в нем участвовать.

А сейчас, мне кажется, цифровые технологии в образовании – это такой массовый мейнстрим, в котором все сводится к набору стандартных скиллсетов³. Это то, о чем говорил, например, Уорд Каннингем: «Приходят они ко мне со своими сертификатами... А что мне они? Ты сядь попrogramмируй».

Евгений Патаракин –
руководитель образо-
вательной программы
«Цифровая трансфор-
мация образования»
в Национальном иссле-
довательском универ-
ситете «Высшая школа
экономики».

3 От англ. *skillsets* – наборов навыков.

И возможность сесть и попрограммировать, вместе делать продукт, сейчас тоже открыта для всех, и нужно зафиксировать, что она есть.

ЛЮДИ И ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ: ИЗОБРЕТЕНИЕ, СОПРОТИВЛЕНИЕ И ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ

Полина Колозариди: Мне кажется, круг замкнулся. То, что вы говорите, очень контрастирует с тем, с чего начала Евгения Кулик – с идеей, что переход обеспечивается за счет управления. И мы в нашем разговоре стараемся не упускать интернет как нечто, очень разнообразное. С одной стороны, интернет как технологию, которая встроена уже сейчас и в бизнес-процесс. С другой стороны, интернет как то, что позволяет заниматься изобретательством, организовывать новые формы социальности. И я пытаюсь понять, говорим ли мы про один интернет или про разные?

Агентность не включается нажатием кнопки.
Здесь важны процессы низовой самоорганизации, причем не только между преподавателями, но и между студентами.

Евгения Кулик: Мне кажется, что мы говорим об одном и том же, но в разных сферах деятельности. Эксперименты в управлении – это тоже эксперименты. Просто каждый экспериментирует в собственной профессиональной деятельности: преподаватели – в одном, а менеджеры и управленцы – в другом. И каждый ищет решение той ситуации, которая у него возникла, используя доступные инструменты.

И есть еще один тезис, который мне очень хочется озвучить по результатам выступления Евгения Терентьева. Он говорил, что возникли службы психологической поддержки, поскольку переход на онлайн-образование, действительно, был психологически непростым для многих людей. А я обратила внимание, что практически нигде вообще речь не идет о менеджерах среднего и нижнего административного звена. А это как раз те люди, которые находятся внутри инновационных процессов, те, кто связывает воедино университет. Это те, кто взаимодействует со студентом, с преподавателем, с информационными системами, с топ-менеджерами, – на них все держится. И вот эти люди, на мой взгляд, пережили самый серьезный стресс, хотя именно они редко обращаются за психологической поддержкой – в этой аудитории не распространена соответствующая культура.

Анна Щетвина: У меня вопрос в продолжение того, что мы уже начали обсуждать. Мне очень интересно, насколько в дис-

Анна Щетвина – независимая исследовательница интернета, координатор клуба любителей интернета и общества.

fi

куссиях о цифровизации учитывается проблема качества жизни студентов. Ведь в первую очередь в таких дискуссиях речь заходит о менеджменте – как сделать так, чтобы все в этих экстремальных условиях работало. И даже тогда, когда ставится вопрос о самочувствии студентов и аспирантов, он ставится в бизнес-контексте – насколько хорошо они смогут работать. Но очевидно, что вопрос должен ставиться шире. Скажите, включена ли сейчас рефлексия о *well-being* студентов в процесс принятия решений?

Иван Груздев – исследователь Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Иван Груздев: Надо сказать, что студенты у нас очень разные – даже внутри ВШЭ. Были категории студентов, которые вообще не сильно напряглись. А были студенты, которые, конечно, переживали эту историю довольно тяжело. Например, студенты-первокурсники, только недавно поступившие в университет. Они хотели полноценной студенческой жизни, о которой все столько говорят, но получили ее только на полгода, а затем ушли на карантин.

Мне кажется, можно выделить три вида проблем, с которыми столкнулись студенты. Во-первых, это, конечно, психология. По разным оценкам, от четверти до трети обучающихся сталкивались так или иначе с серьезными психологическими вызовами. Вторая проблема – это все, что касается саморегуляции и самоорганизации. Когда студенты ходят в университет, это структурирует их время и деятельность. И когда выясняется, что физически в здание университета приходить не нужно, то задача настроиться на занятия – читать, думать в домашних условиях – оказывается очень серьезным вызовом, не все с этим справились. И третий вид проблем – это то, о чем мы уже говорили, это проблемы студентов, которые находятся в сравнительно неблагоприятных социально-экономических условиях. Помните, было много шуток про парня, который залезал на березу с компьютером, чтобы учиться, потому что только там у него хорошо ловил интернет.

Ну, и, конечно же, все жаловались на недостаток социализации.

Полина Колозарида: Вопрос, который поставила Анна [Щетина], в некотором смысле возвращает нас к началу – к теме агентности. Правильно ли получается, что в пандемию, по сути, реализовываются все те же прежние механизмы? При этом все больше стали говорить о том, как бы студентов не просто научить, а именно вовлечь. Это не то что плохо – а любопытно, возможно ли еще со студентами по-другому разговаривать? Возможно ли еще перепридумывать сам процесс образования?

Ксения Вахрушева: Мне в какой-то момент показалось, что весь прошлый год прошел в обратной миграции студенчества в регионы. Потому что многие приехали в столицу учиться, а потом начали возвращаться домой, когда поняли, что здесь нет очных занятий, а жить в столице довольно дорого. А тут вдруг появилась возможность учиться на дистанционке, жить с мамой, вкусно кушать, гулять с собакой. Но, когда мы возвращаемся домой, у нас появляется сразу миллион раздражающих факторов: мы уехали, и нашу комнату отдали младшей сестре. У нас больше нет своего стола и шкафа, своего физического пространства. Есть родственники, которые все время ходят на заднем фоне, когда ты в зуме. Есть мама, которая все время предлагает пообедать, когда у нас идет пара.

И кажется, что здесь можно обнаружить интересные сюжеты. Например, что это все может стимулировать локальные городские объединения людей с похожими запросами или даже появление коворкингов. Или – другая интересная тема – как студенты, которые чуть-чуть посмотрели на столичную жизнь, возвращаясь, приносят ее опыт в те места, где жили и продолжают жить.

Евгения Кулик: Еще нужно посмотреть, обусловлен ли такой возврат в регионы желанием студентов. Возможно, это страх родителей, что студент живет в мегаполисе, где постоянно увеличивается количество заболевших. А вообще, да, это очень интересная тема. Я на днях наткнулась на сообщение, что сейчас очень многие люди при заказе дизайн-проекта квартиры просят организовать отдельную комнату, кабинет-библиотеку. То есть вот это новый тренд, которого не было до ковида.

Евгений Терентьев: Прокомментирую вопросы, о которых чуть раньше зашла речь – о роли университета как гуманистической, а не производственной организации. У нас в интервью это часто вспыпало. В отдельных университетах преподаватели говорили: «Бог ними, с образовательными результатами. Главное, чтобы студентам комфортно было, чтобы они пережили бы эту ситуацию пандемии. Ну, не будем их грузить ничем, пусть они будут спокойны, хорошо себя чувствуют и не испытывают никакого стресса из-за этого образования». Это интересный сюжет, он звучал не один раз. То есть абсолютной доминантой становится качество опыта, благополучия в университете.

Но при этом те же преподаватели часто беспокоятся о воспитательной функции своих университетов. Когда они видят студентов в аудиториях, то считают, что они их ограждают. Университет становится такой крепостью, призванной защи-

люди и онлайн-образование: изобретение, сопротивление и переопределение

Ксения Вахрушева – комьюнити-менеджер, выпускница образовательной программы «Медиакоммуникации» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (2020).

щать молодых людей от негативных влияний. Ведь за стенами университета – наркотики, алкоголь, вредные люди. Если университет перестает выполнять функцию «передержки», то что же с ними со всеми будет? Вырастет поколение непонятного. И в этом смысле сама пространственность университета как места тоже должна стать отдельным объектом изучения: как меняется восприятие этого пространства, какие потенциальные эффекты это может иметь?

Иван Груздев: В завершение хочется еще одну вещь сказать про исследования образования в пандемию. Мы обсуждали это недавно в «Шанинке» с Дмитрием Рогозиным, и он тонко подметил одну вещь. Когда мы запускали опросы студентов и преподавателей в пандемию, к этим данным был очень сильный, почти нездоровый интерес разных руководителей. С одной стороны, это делало нашу работу менее вдумчивой, а с другой стороны, она была очень энергичной. Потому что, когда руководители хотят видеть данные, ты суешься. А сейчас очевидный интерес к этой теме склонул – мы там что-то делаем, но уже не находимся под таким пристальным вниманием. И в этом есть возможность действовать как вдумчивые, не торопящиеся, в хорошем смысле независимые исследователи. Очень важно не потерять внимание ко всем этим случившимся изменениям, потому что объем трансформаций, произошедших в самых разных сферах жизни и в образовании, пока еще совершенно не осознан, а последствия его не отрефлексированы. Потому что жизнь просто разделилась на «до» и «после». Я думаю, на этих материалах можно лет десять, а то и двадцать заниматься хорошим социологическим анализом.

Полина Колозарида: Спасибо большое. Пережив пандемию, мы автоматически получаем возможность быть и свидетелями, и исследователями, и деятелями в этом непростом процессе изменения. Хочется лучше понимать: с чем мы сопоставляем эти процессы? Ведь примечательно, как наш разговор переходил от одних акторов к другим. Там появлялись и исчезали администраторы, родители, город, студенты, преподавательницы, исследователи, социологи, психологи и так далее. Интересно, чей подход окажется, в конечном счете, основным в описании этого процесса, а чей станет базой для того, чтобы говорить об интернете в образовании как о чем-то совсем другом?